
ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 1(091):11

С. А. Нижников

М. Хайдеггер: преодоление метафизики

В статье рассматривается хайдеггеровская интерпретация тезиса Ницше «Бог умер», состоящая в том, что хотя и объявляется решительная замена прежних ценностей иными, но в реальности они подменяются различными суррогатными идеями, не устраняющими нигилизм. Хайдеггер стремился восстановить «истинное», досократовское понимание бытия и метафизики, синтезируя его с трансценденцией.

The article considers Heidegger's interpretation of the thesis Nietzsche "God is dead", consisting in the fact that although he declared a resolute replace the old values by different ones, but in reality they substitute for others surrogate ideas. Heidegger also seeks to restore the "true", pre-Socrates understanding of being and metaphysics, synthesizing it with the transcendence.

Ключевые слова: метафизика, трансценденция, платонизм, бытие сущего, нигилизм.

Keywords: metaphysics, transcendence, Platonism, being exists, nihilism.

Ницшевский тезис «Бог умер» был известен в новоевропейской культуре задолго до самого Ницше. Из ближайших предшественников об этом писал Фейербах, и даже Гегель. Хайдеггер обнаруживает данное суждение в его раннем трактате *Вера и знание* (1802), которое он повторял и позднее в других произведениях. Гегель пишет о «чувстве, на которое опирается вся религия нового времени, о чувстве: сам Бог мёртв...» [1]. При этом Гегель отмечал, что философия иногда вынуждена встать на защиту веры от некоторых форм теологии, которые принимают чуть ли не атеистический характер. Хайдеггер призывает всмотреться в истину этих слов, а это предполагает мужественное вскрытие метафизического смысла высказывания Ницше «Бог умер».

Хайдеггер видит смысл высказывания Ницше в том, что «сверхчувственный мир лишился своей действенной силы. Он не подает уже признаков жизни. Пришел конец метафизики – для Ницше это вся западная философия, понятая как платонизм». Бог в этом смысле является символом сферы идей и идеалов, которые из трансцендентной выси ничтожили все земное, породив нигилизм. Но, как говорится, свято место пусто не бывает, поэтому оно заполнилось в XX в. тоталитарными идеологиями (фашизм и коммунизм), властью технократического мышления, всевозможными суевериями и т. д. Это отмечал и Достоевский, говоря, что человек если не Богу, то идолу поклонится [2]. Этот новый нигилизм, согласно Хайдеггеру («неполный нигилизм» у Ницше), хотя и заменяет прежние ценности иными, но по-прежнему ставит их на старое место. Однако изначальная область, где совершается сущность и разворачивается событие нигилизма, – это сама метафизика, так что и само христианство представляет собой следствие и определенное выражение нигилизма.

Нигилизм ницшеанский Хайдеггер определяет как завершённый, совершенный, тем самым классический нигилизм, в котором полагание ценностей исходит из новой области, уже не сверхчувственной, а выступает в качестве «идеала изобильнейшей жизни». Возникает понятие ценностей, когда «все ценностное становится позитивной заменой метафизического». Поэтому полагание ценностей «подобрало под себя все сущее как сущее для себя» – тем самым оно убрало его, покончило с ним, убило его. Таков общеметафизический смысл высказывания «Бог мёртв», в интерпретации же Хайдеггера произошло «убиение бытия сущего».

Ницше «оборачивает» метафизику, однако не преодолевает ее. В статье *Преодоление метафизики* Хайдеггер поясняет: «Перевертывание платонизма, когда для Ницше чувственное становится соответственно истинным миром, а сверхчувственное неистинным, целиком остается еще внутри метафизики. Такого рода преодоление метафизики, какое имеет в виду Ницше, причем в смысле позитивизма XIX столетия, есть, хотя бы и в своем высшем превращении, лишь окончательное увязание в метафизике. Создается, конечно, видимость, будто “мета-“, трансцендирование в сверхчувственное, отменяется в пользу опоры на чувственно-вещественную стихию, в то время как на деле просто завершается забвение бытия и сверхчувственное разнузывается и хозяйничает в виде воли к власти» [3]. Исходя из того, что жизнь означает волю к воле, воля к власти у Ницше рассматривается как «самая внутренняя сущность бытия», и «в воле заключено: всему давать цену»: «Живое – это уже значит: оно дает цену» [4]. Ценности же определяются как «условия сохранения, возрастания в пределах бытия сущего» [5]. На авансцену выходит новоевропейский субъект в качестве *сверхчеловека*, чтобы вершить судьбу сущего: «Мертвы все Боги; теперь мы волим, чтобы здоровал сверхчеловек!» [6]

В традиционной метафизике бытие, Бог были превращены в высшую ценность, если же «на бытии сущего ставят печать ценности... путь к постижению бытия совершенно стерт». «Последний же удар по Богу и по сверхчувственному миру, – уточняет Хайдеггер, – наносится тем, что Бог, сущее из сущего, унижается до высшей ценности. Не в том самый жестокий удар по Богу, что его считают непознаваемым, не в том, что существование Бога оказывается недоказуемым, а в том, что Бог, принимаемый за действительно существующего, возвышается в ранг высшей ценности. Ибо удар этот наносят не праздные зеваки, не верующие в Бога, а верующие и их богословы, которым, хотя и твердят они о сущем из сущего, никогда не приходит на ум подумать о самом бытии – ради того, чтобы при этом заметить, что такое их мышление и такое говорение их о Боге – это, если посмотреть со стороны веры, не что иное, как настоящее богохульствование, коль скоро они вторгаются в богословие веры» [7].

Но свойственное Богу место – это то, «откуда истекает причиняющее созидание сущего и сохранение сущего как сотворенного». Это место «сверхчеловек не заступает и никогда не может заступить», так как «место, на которое направлено воление человека, – это иная область, область иного обоснования сущего...». Поэтому и «ницшевское постижение нигилизма как обесценения высших ценностей – это нигилизм» [8]. Взгляд, превративший бытие, а с ним и Бога в разряд сущего, хотя и высшего, породил нигилизм, субъективизм, технократизм и все беды исторического, в особенной мере новоевропейского и современного человека. По сути, этот путь ведет мир по пути к катастрофе, о чем свидетельствуют глобальные проблемы современности.

Тогда остается вопрос, как спастись? Только в адекватном постижении бытия! – заявляет Хайдеггер и возвращает нас к истокам древнегреческого мышления, к тому месту, где начался отсчет метафизического времени, ибо вся метафизика в своей сущности – нигилизм. «История бытия начинается, притом необходимо начинается с забвения бытия», поэтому «сущность нигилизма состоит в том, что ничто же несть с самим бытием», и только «Самое бытие есть бытие в его истине, истина же принадлежит бытию» [9]. «Ищу Бога! Ищу Бога», – кричал без передышки безумец у Ницше. Так и Хайдеггер бросается в поиски заветного Бытия, оставляя читателей слова Ницше «Бог мёртв» на полпути. Может быть, весь позитив развертывается им в трактовке понятия Бытия? Но вначале коснемся того, в чем состоит сущность грехопадения метафизики.

В лекционном курсе *Основные понятия метафизики* Хайдеггер проводит анализ генезиса понятия метафизики. Здесь он останавливается на разборе древнегреческого понятия *фюсис*. В этом случае философия (метафизика) предстает в виде «осмысления *фюсис*» с целью высказать ее в *логосе*. На этом этапе *фюсис* подчинена логосу как своему собственному закону и *алетейе* как истине в смысле открытости. Таково было понимание метафизики в милетской школе и у Гераклита, однако уже у Парменида Хайдеггер обнаруживает имплицитно содержащийся изъян, двойственность, которая разрешится в теорию идей Платона.

Ценность Хайдеггер рассматривает как точку зрения, «въедение, в том смысле, в каком предопределено оно было греками» [10]. Истоки всех этих видов нигилизма и нигилистичско-метафизического мышления, как такового, Хайдеггер усматривает еще в древнегрече-

ском мышлении, так как «атомная бомба разорвалась» уже в поэме Парменида. В понятие *фюсиса* вкралась двусмысленность, что привело к порождению понятия *мета та фюсика* (метафизика). Первоначальный смысл *фюсиса* как внутренней сущности, закона вещей переносится в мир сверхчувственного. Метафизика понимается как строй господства сверхчувственного.

В самом зарождении метафизики, констатирует Хайдеггер, коренится и ее падение, извращение, выражением которого стала теория идей Платона и становление трансцендентных христианских ценностей, когда христианское богословие овладело греческой философией. Началась эпоха «нигилизма» по отношению ко всем земным ценностям, которая продолжалась вплоть до Ницше, но и им не была полностью преодолена. Более того, как выяснено, Ницше оказывается «самым разнузданным платоником внутри истории западной метафизики» [11].

Анализируя теорию идей Платона и понятие сущности, перводвигателя и теологии у Аристотеля, Хайдеггер квалифицирует отрыв идеи от вещи, сущности от явления, бытия от сущего как извращение метафизики и возникновение теологии. Хайдеггер упрекает как Платона, так и Аристотеля, что они назвали высшую и первую причину божеством: «После истолкования бытия как *идеи* мышление вокруг бытия сущего метафизично, а метафизика теологична. Теология означает здесь истолкование “причины” сущего как Бога и перенесение бытия на эту причину, которая содержит бытие в себе и испускает его из себя, будучи самым сущим из сущего». Вопрос о бытии приобретает двойственный *онто-тео-логический* характер [12].

На самом деле Хайдеггер осуществляет феноменологическую критику платонизма. Вместе с тем он стремился осмыслить проблему метафизики с высоты XX столетия, а не просто возвратиться к досократовскому ее пониманию, чтобы устранить трагический разрыв между горним и дольным мирами. Суть этого преобразования заключается в том, что Хайдеггер, пытаясь восстановить «истинное», досократовское понимание бытия и метафизики, синтезирует его с трансценденцией: «Метафизика – это вопрошание сверх сущего, за его пределы, так что мы получаем после этого сущее для понимания как таковое и в целом» [13]. Но трансценденция у него уже не мыслится теологически, она трансцендирует в зияющую пустоту и мрак хаоса, где открывается не благодать и свет, а Ничто, способное вызвать у человека лишь «фундаментальное настроение ужаса» и тоски [14]. Поэтому «Смерть Бога» не устранила, а только обнажила изначальный нигилизм.

Глубина этого исторического движения Запада такова, «что его разворачивание может лишь привести к мировым катастрофам. Нигилизм – это всемирно-историческое движение тех народов земли, которые вовлечены в сферу, где открывается не благодать и свет, а Ничто, способное вызвать у человека лишь «фундаментальное настроение ужаса» и тоски. Возможно, Хайдеггер здесь, с сохранением трансценденции, возвращается уже даже не к досократовской философии, а к еще более древней, хтонической мифологии, осмысляя ее на языке понятий и экзистенциалов. В результате, как и античные философы, он взывает «неведомого Бога», его трансценденция открывает лишь Ничто, перед которым цепенеет от ужаса человеческое существо. По словам Мартина Бубера, «он в своей заботе и в своем страхе стоит перед ничем»; «человек Хайдеггера является большим, решающим шагом от человека Кьеркегора к пропасти, где начинается ничто»; «чем-то непреодолимо пустым веет на меня от такого понятия бытия» [15]. Хайдеггер разрывает онтологический и аксиологический аспекты метафизики друг от друга, признавая лишь первый из них. Он критикует Платона за то, что у него «идея добра» есть «причина всего правильного, равно как и всего прекрасного». Для Хайдеггера две части высказывания не равноправны и не параллельны. Правильному, считает он, соответствует *алетейя*, а *прекрасному* – восприятие [16].

Критикуя Платона, Хайдеггер пытался разрешить проблему метафизического дуализма бытия и сущего, идеи и вещи, выявляя онтологический статус мышления и переосмысливая категорию бытия. Тождество мышления и бытия, сущего и бытия постулировал уже Парменид, однако с него началось и разобщение этих понятий. Хайдеггер пытался преодолеть отчуждение мышления от бытия: оно есть со-гласие с бытием, или его вообще нет. Он предпринял попытку построения такой онтологии бытия, что в ней к явленности выходит само бытие сущего не на манер предшествующей метафизики как сверхчувственного, а как «двусложность бытия и сущего». Само бытие – это значит: наличность наличного, т. е. двусложность этих двух в их односложности.

Философ развивает монистический взгляд на бытие как трансценденцию и бытие как сущее и имманентное, которые совпадают в своей двусложности. Именно исходя из существа двусложности возможно развертывание ясности, т. е. просвета, внутри которого наличное как таковое и наличность, бытие и сущее становятся различными для человека, в результате чего возможно осуществление познания. В понятии бытия как двусложности Хайдеггер на свой манер повторяет диалектику одного и иного Платона, бытия и ничто Гегеля, наполняя ее экзистенциальным смыслом. Он пишет о необходимости «увидеть явленность как сущность наличия в его сущностном происхождении». И что именно «в истоках явленности на человека находит то, в чем таится двусложность присутствия и присутствующего» [17].

Хайдеггер призывает вернуться к самым истокам греческого мышления и пойти глубже его, выйти за установившийся горизонт, который объективировался в истории западно-европейской философии. Хайдеггер мечтал на основе феноменологической методологии построить абсолютную онтологию человеческого бытия.

В хайдеггеровском понимании метафизики вступают во взаимодействие все эпохально-исторические ее концепции. Он работал, по сути, над проблемой синтеза всего более чем 2-тысячелетнего метафизического опыта европейской мысли. Насколько удалось ему разрешить данную задачу, еще предстоит осмыслить.

Примечания

1. Хайдеггер цит. по: *Hegel G. W. F. Werke*. Bd. 1. Berlin, 1832. S. 157. В русском переводе данное высказывание отсутствует в силу, видимо, сокращенного перевода (см.: *Гегель Г. В. Ф. Вера и знание // Эстетика: в 4 т. Т. 4. Фрагменты из философских произведений. Статьи. Письма. М.: Искусство, 1973. С. 57–67*).

2. На Достоевского, вскрывшего нигилизм русской революционной интеллигенции в *Объяснительном слове* к пушкинской речи, ссылается и Хайдеггер в начале работы *Европейский нигилизм* (см.: *Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 63*).

3. *Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 181.*

4. *Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 190–192.*

5. Там же.

6. Там же. С. 206.

7. Там же. С. 210.

8. Там же. С. 207, 210.

9. Там же. С. 214–215, 213.

10. Там же. С. 184.

11. *Хайдеггер М. Время и бытие. С. 355.*

12. См.: там же. С. 360, 364.

13. Там же. С. 24.

14. См.: *Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. С. 174, 181.*

15. *Бубер М. Проблема человека. Киев, 1998. С. 62, 71.*

16. См.: *Бубер М. Затмение Бога // Два образа веры. М., 1999. С. 494, 358.*

17. *Хайдеггер М. Время и бытие. С. 294.*

Notes

1. Heidegger cited. by: *Hegel G. W. F. Werke*. Bd. 1. Berlin, 1832. S. 157. In Russian translation this statement is absent, apparently, due to Acronym translation (see: *Hegel, G.W.F. Vera i znanie* [Faith and knowledge] // *Estetika – Aesthetics: in 4 vols. Vol. 4* [Fragments of philosophical works. Article. Letters]. Moscow: Iskusstvo, 1973. Pp. 57–67).

2. Dostoevsky revealed the nihilism of the Russian revolutionary intelligentsia in *Ob'yasnitelnoe slovo* [Explanatory remarks] to the Pushkin speech, Heidegger refers to the beginning of European nihilism (see: *Heidegger M. Evropeyskiy nigilizm* [European nihilism] // *Vremya i byitie: stati i vyistupleniya – Time and Being: articles and speeches. Moscow, 1993, p. 63*).

3. *Heidegger M. Vremya i byitie: stati i vyistupleniya* [Being and Time: articles and speeches]. Moscow, 1993, p. 181.

4. *Heidegger M. Raboty i razmyishleniya raznyih let.* [Works and thoughts over the years]. Moscow. 1993. Pp. 190–192.

5. Ibid.

6. Ibid. P. 206.

7. Ibid. P. 210.

8. Ibid. Pp. 207, 210.

9. Ibid. P. 214–215, 213.

10. Ibid. P. 184.
11. *Heidegger M. Vremya i bytie* [Being and Time]. P. 355.
12. See: *ibid.* Pp. 360, 364.
13. Ibid. P. 24.
14. See *Heidegger M.: Raboty i razmyishleniya raznyih let* [Works and thoughts over the years]. Pp. 174, 181.
15. *Buber M. Problema cheloveka* [The problem of man]. Kyiv. 1998. Pp. 62, 71.
16. See: *Buber M. Zatmenie Boga* [Eclipse of God] // *Dva obraza veryi – Two Visions of Faith*. Moscow, 1999, pp. 494, 358.
17. *Heidegger M. Vremya i bytie* [Being and Time]. P. 294.

УДК 114

И. А. Карпенко

Развитие представлений о пространстве от науки Нового времени до современности

Анализируются отдельные аспекты трансформации идей о понятии и свойствах пространства в исторической перспективе. Делаются частные выводы о развитии этих идей в контексте современной науки.

Analyzes some aspects of transformation of ideas about the notion and properties of space in historical perspective. Offers private conclusions about the development of these ideas in the context of science present times.

Ключевые слова: история и философия науки, пространство, физика.

Keywords: history and philosophy of science, space, physics.

В настоящей работе внимание акцентируется на научных представлениях Нового времени, и отсылки к более ранним представлениям совершаются лишь для указания очевидной преемственности или оспаривания соответствующих концепций. В качестве главного предмета выбрана идея физического пространства, точнее, её развитие. «Научная революция XVII–XVIII вв. утвердила новые принципы научности (и очертила границы научного в противовес спекулятивному), которые можно считать во многом актуальными и сегодня (впрочем, есть и иные точки зрения на проблему научного поиска, в связи с этим см., например, работы Пенроуза [1]).

Но представляется бесспорной ключевая роль в прогрессе научного познания именно этого исторического периода. Будет показано, что те выводы о свойствах пространства, которые казались неоспоримыми на протяжении столетий, внезапно перестали быть таковыми. Фактически это обусловлено другой «научной революцией», начавшейся на рубеже XIX–XX вв., в ходе которой произошёл отказ от старых аксиом физики (таких, например, как существование «эфира» [2]) и были сформулированы новые аксиомы (в теории относительности и квантовой механике).

В анализе первой из названных научных революций мы во многом опираемся на работу А. Койре, проделавшего тщательный анализ воззрений того времени. Среди тех, кто совершал научную революцию, утвердившую новый тип представлений о пространстве, Александр Койре в работе «От замкнутого мира к бесконечной Вселенной» выделяет нескольких, на его взгляд внёсших наибольший вклад, мыслителей. Это Николай Кузанский, Марчелло Палингениус, Николай Коперник, Томас Диггс, Джордано Бруно, Уильям Гилберт, Иоганн Кеплер, Галилео Галилей, Рене Декарт, Генри Мор, Николя Мальбранш, Ричард Бенгли, Исаак Ньютон, Джозеф Рафсон, Джордж Беркли, Готфрид Лейбниц.

Обозначим в общих чертах идеи некоторых из них, чтобы впоследствии обнаружить развитие этих идей (а также оспаривание, опровержение или подтверждение) в науке XX в., а точнее, в научной физической картине мира, пришедшей на смену механицизму Ньютона.

Несомненно, Николай Коперник внёс важнейший вклад в формирование представлений о Вселенной как о бесконечной и, возможно, сам того не желая, приступил к разрушению